

Это место, оставленное ей учителем, и она ни за что не хотела, чтобы его разрушили какие-то неизвестные люди. Кроме того, за несколько месяцев ей нужно было не только найти инвестора, чтобы обсудить покупку горы до того, как начнутся строительные работы, но и заработать достаточно денег, чтобы выкупить её. Всё это было крайне срочно.

К счастью, на следующий день в полдень Шан Чанци наконец очнулась. Однако, похоже, что-то пошло не так, как планировалось.

Цин И нахмурила брови:

— Ты хочешь сказать, что ничего не помнишь? Только то, что тебе пять лет и ты собираешься идти в школу?

— Наверное, — Шан Чанци постучала себя по голове, пытаясь вспомнить прошлое, но в конце концов из-за сильной боли Цин И остановила её.

Основной причиной комы Шан Чанци был удар по затылку, поэтому возможность потери памяти действительно существовала.

Цин И не знала, что делать, и решила обратиться за помощью к своим «семьям». Первый и другие бумажные человечки лежали на Цин И, с любопытством разглядывая потерявшую память Шан Чанци.

— Согласно романам, обычно в таких случаях предлагают себя в качестве вознаграждения, — первым заговорил Шестой.

Шан Чанци подняла голову и с удивлением спросила Цин И:

— Что значит «предложить себя в качестве вознаграждения»?

— Это значит... — Цин И уже хотела объяснить, но в следующую секунду поняла, что что-то не так, — Ты можешь слышать, как говорит Шестой?

Шан Чанци указала на правое плечо Цин И:

— Ты говоришь о нём? Правое плечо всегда было местом Четвёртого, но сейчас Четвёртый был снаружи, собирая информацию, так что его место занял Шестой.

— Ах! — Реакция Шан Чанци напугала бумажных человечков, и они тут же спрыгнули с Цин И. Шестой бросил книгу, которую читал, и закрыл её. Первый спрятался под волосами Цин И, Второй и Третий залезли в карманы её одежды, где уже находился Девятый. Седьмой тоже спрятался в своей корзине с одеждой, высунув голову и с опаской глядя на Шан Чанци. Только Девятый спал крепким сном, не зная, что происходит вокруг.

Шан Чанци с жалобным взглядом посмотрела на Цин И:

— Разве я не должна была это видеть?

Цин И видела Шан Чанци раньше, и хотя они мало общались, ей было трудно связать этого жалкого человека с тем, кто раньше, казалось, пришёл укрыться от дождя, как на отдых.

— В общем-то, да, — видя, как Шан Чанци опустила голову, Цин И почувствовала мягкость в сердце и, подняв руку, положила её на голову девушки, успокаивая её так же, как она успокаивала своих бумажных человечков, — Но ничего страшного. Просто, кроме меня и учителя, они впервые встретили кого-то, кто может их видеть, поэтому они немного удивлены.

— Правда? — Шан Чанци с недоумением смотрела на бумажных человечков, особенно на Первого, который сидел на макушке Цин И, — У них есть имена?

Надо сказать, что внешность Шан Чанци была довольно обманчивой, а её растерянный взгляд делал её похожей на красивую куклу, что сразу же заставило Шестого расслабиться. Он схватил свой платок и снова подошёл.

— На моей голове — Первый, это Шестой, — Цин И указала на двух бумажных человечков, которые медленно вылезали из её карманов, — Это Второй и Третий, Седьмой всё ещё в одежде, а Девятый спит в моём кармане.

— А где Четвёртый, Пятый и Восьмой? — Шан Чанци машинально спросила, а затем с удивлением посмотрела на Цин И, — Что такое Четвёртый, Пятый и Восьмой?

Цин И объяснила, что тело всё ещё сохраняет некоторые инстинкты, и хотя Шан Чанци не может вспомнить, они всё же проявляются бессознательно:

— Четвёртый и Пятый пошли собирать информацию, а Восьмой был отправлен учителем по делам.

Шан Чанци заинтересовалась и спросила, кто такой учитель. Один вопрос следовал за другим, и Цин И решила, что пора закончить знакомство.

Шан Чанци посмотрела на Шестого:

— Ты ещё не сказал мне, что значит «предложить себя в качестве вознаграждения».

Шестой, видя, что Шан Чанци не выглядит опасной, тоже расслабился и принял позу учителя из романа, заложив руки за спину и слегка подняв подбородок:

— Это значит отдать своё тело в знак благодарности за спасение.

— Тогда кто меня спас?

Шестой быстро указал на Цин И.

Цин И почувствовала дурное предчувствие и хотела что-то сказать, но Шан Чанци опередила её.

— Тогда я предложу себя ей, — Шан Чанци с просветлённым взглядом посмотрела на Цин И, но, не зная, как это сделать, обратилась за помощью к Шестому, — Что мне нужно сделать? Просто отдать ей своё тело?

Впервые получив такой «уважительный» вопрос, Шестой, чувствуя себя очень довольным, не стал отказывать и продолжил отвечать:

— Если ты сделаешь так, это будет выглядеть как принуждение. Чтобы всё было правильно, вам нужно сначала стать супругами, но, учитывая, что вы одного пола...

Шестой не успел закончить, как Шан Чанци, не терпящая промедлений, перебила его:

— Тогда как стать супругами?

Цин И, видя, что Шан Чанци всерьёз намерена «предложить себя», поспешила остановить Шестого:

— Если ты продолжишь болтать ерунду, я сожгу твои романы.

Шестой, для которого романы были смыслом жизни, тут же сдался, бросив Шан Чанци взгляд, полный жалости, и, размахивая платком, вернулся к своему столу, чтобы продолжить чтение.

Седьмой и другие, насмотревшись на представление, разошлись по своим делам, оставив Цин И и Шан Чанци смотреть друг на друга.

— Поживи здесь пока, вспомнишь что-нибудь — поговорим, — Цин И вздохнула, она не могла просто выгнать её, ведь за пределами горы люди всё ещё ищут следы Шан Чанци.

Успокоив Шан Чанци, Цин И отправилась в комнату для медитаций, чтобы погадать на предстоящие события.

Оставаться в горах — дурной знак, только спустившись вниз, можно увидеть проблеск надежды.

Цин И собрала свои вещи и тихо пробормотала:

— Похоже, придётся спуститься.

*

Тем временем Шан Чанци, потеряв память, стала гораздо более активной. Немного полежав в постели, она не выдержала и, держась за поясницу, подошла к Шестому, чтобы продолжить предыдущий разговор.

— Шестой, ты ещё не сказал мне, что нужно делать.

Шестой посмотрел на комнату для медитаций, решив, что Цин И не скоро выйдет, и только тогда осмелился заговорить с Шан Чанци:

— Назови меня учителем, и я тебя научу.

Шан Чанци без колебаний назвала его «учителем».

Шестой с улыбкой достал книгу и положил её рядом:

— Прочитай это, и всё поймёшь.

Шан Чанци с недоумением взяла книгу и медленно вернулась на кровать.

Седьмой, наблюдавший за всем происходящим, отложил одежду и с сомнением спросил Шестого:

— Разве хозяйка не запретила тебе учить её всякой ерунде?

— Я не учу, просто дал книгу почитать, — Шестой с невинным видом сказал, а затем снова погрузился в чтение, через некоторое время начав всхлипывать, хотя в его глазах не было и следа слёз.

Седьмой, глядя на Шан Чанци, которая лежала на кровати и читала книгу, почувствовал лёгкое беспокойство. Романы Шестого редко были нормальными, и если другие могли их читать, то Шан Чанци, с её детским умом, могла ли она понять их правильно?

Седьмой хотел было сообщить об этом Цин И, но та надолго задержалась в комнате для медитаций, а у него самого появились новые идеи для создания одежды, так что он забыл об этом.

Вечером, после ужина, Шан Чанци уже закончила читать роман толщиной в палец.

Стоит сказать, что опасения Седьмого были не напрасны. Когда Цин И вечером закончила писать амулеты, которые могли понадобиться в путешествии, и вернулась в комнату, она обнаружила, что на её кровати лежит человек.

Цин И включила свет, и интуиция заставила её не подходить ближе. Она остановилась у двери, не двигаясь вперёд:

— Шан Чанци?

— Угу, — занавеска слегка приоткрылась, и появилась голова. Лицо Шан Чанци было красным,
— Жена, ты хочешь лечь спать?

Жена?

Первой реакцией Цин И было позвать Шестого, но тот, чувствуя себя виноватым, сделал вид, что не слышит.

Цин И нахмурилась, видя, что Шестой не собирается появляться, и уже хотела пойти к нему, чтобы узнать, в чём дело, как вдруг Шан Чанци быстро откинула занавеску, подбежала к ней и потянула на кровать.

— Что ты делаешь? — Цин И заметила, что Шан Чанци была только в нижнем белье, и её лицо тут же покраснело. Она даже забыла о Шестом, схватила одеяло и накрыла Шан Чанци, — Разве тебе не холодно без одежды?

— Жарко, — сейчас был разгар лета, и хотя в горах было прохладно, без вентилятора или кондиционера всё равно было душно. Сказав это, она снова попыталась сбросить одеяло.

Цин И снова остановила её движения и строго сказала:

— Даже если жарко, нельзя раздеваться.

<http://bllate.org/book/15512/1377908>